

Искусство Эмиля Гилельса

На
ЛЕНИНСКУЮ
тему

Генрих НЕЙГАУЗ

О пианисте Эмиле Гилельсе столько написано, его искусство так часто служит предметом обсуждений и высказываний, что вряд ли можно прибавить что-нибудь существенное ко всему сказанному. Но так как я имел удовольствие быть три года его руководителем в аспирантуре Московской консерватории, мне, пожалуй, дозволено присоединить и свой голос к хору ценителей и почитателей пианиста.

Для меня Гилельс — прежде всего один из самых современных (в лучшем смысле этого слова) художников. В его исполнительской манере совершенно отсутствуют пусть даже интересные и утонченные, но подчас уводящие от жизни, от ее целостного, положительного восприятия черты.

Мне ясно, что Гилельса любят больше всего за его неуемную жизненность, за то, что он так громко и властно провозглашает

жизни: «Да!» Его голос понятен каждому, соответствует сокровенным желаниям и чаяниям людей. Одним словом, искусство Гилельса помогает жить.

Для того чтобы оказывать такую помощь, художнику-пианисту надо обладать разнообразными качествами, которые далеко не всегда бывают так собраны воедино и не действуют так совокупно, как у Гилельса. Назову некоторые из них. В первую очередь, это проникновение в самую суть музыки: когда слушаешь Гилельса, постоянно ощущаешь, что он, как хозяин, действует и распоряжается на том участке «музыкального фронта», с которым имеет дело, что все его элементы подвластны и послушны пианисту.

Но смысловая сторона музыки не может быть раскрыта без таких качеств, как темперамент, воля, страстность, тонкость слуха и чувства, цельность концепции, наконец, без виртуозности в ее самом широком и полном смысле.

Об этой виртуозности, как я ее понимаю, очень верно было написано в одной из рецензий о Гилельсе. Критик напомнил, что слово «виртуозность» происходит от латинского *virtus*, что означает доблесть. Конечно, та виртуозность, с которой мы часто встречаемся у пианистов, не только не напоминает о своем латинском происхождении, но заставляет его иногда основательно забыть. У Гилельса же это настоящее *virtus* — доблесть в чистом, неподдельном виде. Ибо эта «доблесть — виртуозность» неразрывно связана с двумя основными музыкальными категориями — ритмом и звуком.

Со звуком особенно! Я почти не знаю пианиста, у которого были бы такая красота, мощь, полнота, отточенность, «переливчатость», такое обаяние звука, как у Гилельса.

Я иногда говорю своим ученикам: мы, художники — художники слова, звука, резца, кисти. — все мы материалисты. Мы верим в прекрасную, совершенную материю и не верим в такое искусство, где будто бы уйма «хороших идей», а

на самом деле — плохие слова, плохие звуки, гипс вместо мрамора и т. п. ...

Гилельс для меня — «вещественное доказательство» правильности этой мысли. Может быть, я недостаточно ясно выразился. Позволю себе привести одно личное переживание (их тысячи!), связанное со стихами.

Когда я впервые прочел две строчки Александра Блока «И даже рифмы нет короче, глухой, крылатой рифмы: *смерть*» — меня как будто осенило: я как-то по-новому «узнал» о смерти что-то, чего раньше не знал, хотя столько раз думал о ней, столько раз ее видел...

«Магия слова», которой Блок владел, как никто почти из русских поэтов, заставила меня по-новому понять, именно понять — я настаиваю на этом слове — явление смерти. Но если есть «магия слова», то есть и «магия звука». Гилельс, пианист-художник, владеет ею так, как это доступно только избранным пианистам.

Биография Гилельса, впрочем, всем хорошо известная, замечательна своей неуклонной, последовательной линией роста и развития. Многие, даже очень талантливые пианисты застревают на какой-то точке, дальше которой особенного движения (движения вверх!) не наблюдается. Обратное — у Гилельса. Из года в год, от концерта и концерту, его исполнение расцветает, обогащается, совершенствуется. Когда он начинал, почти мальчиком, свою пианистическую деятельность, всем было ясно, что налицо великолепная «материальная база», но высокой артистичности, одухотворенности еще не хватало. Постепенно «дух» — дух музыки — проникал во все поры этой великолепной «плоти», оживлял ее, все больше позволяя исполнителю достигнуть главной цели — личного переказа авторского замысла, не умаляя и не снижая его, но творчески озаряя своим светом...

Музыкальная общественность выдвинула Эмиля Гилельса на искание Ленинской премии.

Не подлежит сомнению, что он — художник, достойный этого высшего отличия.